

Andreyev Aleksey Igorevich, Candidate of Biology, Associate Professor, Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University. Postal address: 1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991. Tel.: +7 (926) 295-47-59. E-mail: molsovet-msu@yandex.ru

Andriyanov Andrey Vladimirovich, Co-chairman, Presidium, All-Russian Youth Public Organisation «Russian Union of Students' Organisations». Postal address: 1, Leninskie Gory, Lomonosov MSU Main Building, office A-1022, Moscow, Russian Federation, 119991. Tel.: +7 (916) 320-48-55. E-mail: andriyanov@youngscience.ru

Antipov Evgeniy Aleksandrovich, Deputy Director, Informatisation Department, Lomonosov Moscow State University. Postal address: 1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991. Tel.: +7 (926) 239-26-92. E-mail: a.evgen.a@rector.msu.ru

Pavlova Svetlana Mikhaylovna, Leading Specialist, Informatisation Department, Lomonosov Moscow State University. Postal address: 1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991. Tel.: +7 (925) 458-04-55. E-mail: smpavlova@rector.msu.ru

DOI: 10.17805/zpu.2018.2.11

Коллективные действия: подходы к пониманию и особенности организации (библиографический обзор зарубежной литературы)*

А. В. СОКОЛОВ

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. П. Г. ДЕМИДОВА

Статья посвящена анализу подходов в зарубежной науке к пониманию значимого социально-политического феномена — коллективных действий граждан, трактовка которых разная. Выделяется два подхода к пониманию коллективных действий: как отклоняющегося поведения (И. Друри, С. Скот) и как рационального поведения, направленного на защиту своих прав и интересов (К. Д. Опп, С. М. Бичлер).

Ключевое значение для формирования коллективных общностей людей, осуществления ими целенаправленных действий имеет, по мнению исследователей, чувство общности, идентичности. При этом есть расхождения во мнениях, что первично: идентичность, которая стимулирует к коллективным действиям, или коллективные действия, которые позволяют формироваться идентичности коллективно действующих людей. Чем сильнее индивидуумы идентифицируют себя с группой, тем более вероятно, что они будут участвовать в акциях поддержки данной группы, иных формах коллективного действия.

Современные исследователи акцентируют внимание на особой значимости сетевых структур информационно-коммуникационных технологий (Интернета, социальных сетей), позволяющих приобретать коллективным действиям большую эффективность. В этих условиях между индивидуумами постепенно формируются устойчивые взаимоотношения, укрепляющие саму организацию коллективных действий.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-03-00132 «Коллективные действия граждан по защите и реализации законных прав и интересов в современной России».

The study was funded by RFBR within the research project № 17-03-00132 “Collective Action of Citizens on the Protection and Implementation of People’s Legal Rights and Interests in Contemporary Russia”.

Автор соглашается с рядом исследователей в том, что коллективные действия не всегда заранее подготовлены. Они изначально могут быть спонтанными, и только впоследствии может формироваться координирующий механизм. Законодательное регулирование коллективных действий снижает возможности спонтанного их проявления. В то же время отсутствие иерархической организации, неопределенность (двусмысленность) ситуации и событий, эмоциональная основа и опыт предыдущих действий, пространственные контексты и ограничения, наоборот, способствуют спонтанности коллективных действий.

Ключевые слова: коллективные действия; протест; сетевое взаимодействие; спонтанность; идентичность; масса; библиографический обзор

ВВЕДЕНИЕ

Массовые коллективные действия мы можем наблюдать во всем мире. Их примеры можно найти в различных частях света, а сами организованные коллективные действия организуются под различными требованиями и манифестами. Это движение Indignados («Возмущенные») в Испании, движения «Оккупай» в различных странах, «Арабская весна», «цветные» революции и другие. Они представляют собой хорошо организованные коллективные действия больших человеческих масс. В них четко проявляются генерация информационных сигналов и информационного контента, координация деятельности различных групп и их интеграция для достижения общей цели (Della Porta D., 2014: 269–271).

Под коллективными действиями в современной литературе понимается совокупность действий, представляющих собой определенную систему организованных индивидуумов, входящих в определенной степени организованные группы (Medina, 2007). Для достижения своих целей индивидуумы формируют механизмы координации действий, набор инструментов действий, символических практик (McAdam, McCarthy, Zald, 1996). Репертуар действий может включать в себя сидячие забастовки, бойкоты, уличные демонстрации, поджоги, а также рассылки петиций по электронной почте, взлом веб-сайтов, обмен новостями через социальные медиа (Earl, Kimport, 2011). Данные действия направлены на трансформацию социального пространства, с которым не согласны участвующие индивидуумы.

В связи с этим целью статьи является обобщение подходов к пониманию коллективных действий, сформировавшихся у зарубежных исследователей, и выявление интерпретаций особенностей их организации.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ:

ДЕВИАЦИЯ И РАЦИОНАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Коллективные действия интерпретируются исследователями неоднозначно. И. Дрury и С. Скот указывали, что для нормального функционирования общества ему необходимы определенные механизмы иерархического контроля, без которого оно станет жертвой иррациональности и насилия, спровоцированных толпой (Drury, Scott, 2011). Таким образом, коллективное поведение сводится к патопсихологии (McAdam, 2002). Это объяснялось тем, что массы (толпа) могут привлекать только изгоев и девиантов.

В. Корнхаузер под «массой» понимал большое количество людей, которые не интегрированы в какую-либо социальную группу, в том числе классы (Kornhauser, 1959: 14). Он утверждал, что потеря элитами контроля над обществом, формирование политической системы, основанной на избирательном процессе, увеличение атомизации общества являются причинами формирования феномена «массового общества»,

в котором массовые движения приводят к антидемократическому разрушению государства.

Иную мотивацию к коллективным действиям отмечал Е. Хоффер. Он указывал, что в массовых движениях участвуют те, кому свойственны чувство бессилия, эгоизм, скука (Hoffer, 1951).

Столь негативное отношение к «массе» не было свойственно всем сторонникам теории коллективного поведения, но в целом она понимается как фактор дезорганизации, симптом, демонстрирующий дисбалансы в обществе (Buechler, 2004). В результате протест понимается как проявление недовольства и обид, позволяющее снять накопившееся напряжение из-за социальных или психологических деформаций.

Среди исследователей конца XX в. коллективное действие понимается с меньшей негативной оценкой (Stryker, Owens, White, 2000: 1–17). Исследователи отмечают, что коллективное действие является следствием объективных обстоятельств, человеческих восприятий, мотивационных, эмоциональных и поведенческих диспозиций (Brandstatter, Opp, 2014: 515).

Важный вклад в развитие теории коллективного действия внес М. Олсон (Olson, 1965). Он попытался сопоставить активность и заинтересованность в защите своих интересов индивидуумов и групп граждан (объединенных общностью интересов). При этом он поставил под сомнение утверждение о том, что индивидуумы, объединенные в группы, будут действовать столь же активно, как и отдельные граждане в ситуации, требующей защиты интересов. Связано это с выявленной проблемой «безбилетника» — даже не предпринимая активных действий, можно извлечь выгоды (получить защиту своих прав) за счет коллективного действия других. При этом невключенность в коллективное действие будет предопределяться осознанием затратности данного коллективного действия (по времени, ресурсам и т. д.).

М. Олсон утверждает, что одним из условий для обеспечения коллективного блага являются представления индивида о нем. Исследователь считает, что воздействие индивида на представление об общественном благе в больших группах является мало значимым для общегруппового представления. Индивид может оказать влияние на общегрупповые представления только в том случае, если он или вносит личный вклад в их развитие, или несет издержки, связанные с ними. По сравнению с преимуществами использования общественного блага, которым каждый может наслаждаться, если это предусмотрено, получение дополнительных поощрений зависит от вклада каждого индивидуума.

По результатам собственных эмпирических исследований К. Д. Опп отметил, что отдельным индивидам свойственно переоценивать свое влияние, а оценка влияния каждого отдельного индивида в группе также может отличаться от действительности (Opp, 2012: 76–77). Исследователь также отмечает, что в политическом поведении большое значение имеют нематериальные стимулы, в том числе такие, как сопричастность группе, установки на протест, нормы протестной активности.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Анализируя сущность коллективных действий, ряд исследователей предположили, что только инструментального объяснения коллективных действий недостаточно. Была введена категория коллективной идентичности — чем большее количество индивидуумов идентифицируют себя с группой, тем в большей степени они склонны к протесту от имени этой группы (Stürmer, Simon, 2009).

Р. Дженкинс указывает, что идентичность — это понимание того, кто «мы», и кто «другие», и аналогичное понимание «других» о себе и «других» по отношению к ним (Jenkins, 2004). Б. Саймон характеризовал идентичность как «место» в обществе (Simon et al., 1998). Под «местом» он понимал метафорический образ, которые имеет свое значение во многих социальных координатах, таких как этничность, пол, возраст и т. д. Он указывает на то, что человек имеет личную (характеризуется через личные качества) и несколько социальных идентичностей (характеризуется в терминах социальной категории членства). Если социальная идентичность становится менее значимой, то индивидуумы склонны определять себя с точки зрения отличий от других, в то время как свою социальную идентичность — с точки зрения общности с другими. Переключение с «я» на «мы» заставляет индивидуумов думать, чувствовать и действовать в качестве членов своей группы и трансформирует индивидуальное поведение в коллективное (Turner, 1999).

Идентичность является значимой переменной в теории коллективного действия. А. Хиршман утверждал, что лояльные группе индивиды ориентированы на получение от нее услуг, и в сложных ситуациях они готовы помочь своей организации своими действиями (Hirschman, 1970). Если же они будут вынуждены выбрать «услуги» другой организации (группы), они будут «несчастливы». Это чувство — плата за нелояльность, «выход из группы». Таким образом, лояльность означает заинтересованность в благополучии группы. Если есть потребность, то действия в интересах группы вознаграждаются, а бездействие — влечет издержки.

Ряд исследователей отмечают, что коллективные действия формируют и укрепляют коллективную идентичность. В частности, Дж. Дзури, С. Рейхе и К. Стотт продемонстрировали, как разрозненная толпа в процессе противодействия полиции постепенно структурировалась, приобретала силу (Dzury, Reicher, Stott, 1999).

Как отмечает Б. Кландерманс, исследования не смогли выявить, что же является причиной, а что следствием: идентичность или коллективные действия (Klandermans, 2014: 9). Он указывает на вывод коллектива исследователей о причинности коллективной идентичности (Simon et al., 1998), в то время как сам Б. Кландерманс совместно с де Вердом не выявили прямой связи между идентификацией и участием, но предполагают, что групповая идентификация предопределяет готовность действовать, а затем сами действия (De Weerd, Klandermans, 1999). Поэтому они считают, что причиной является идентификация.

При этом важно учитывать, что действия предполагают саму возможность для них, т. е. свободу и возможности для коллективных действий. Без них коллективное действие просто невозможно даже при наличии коллективной идентичности (Fishbein, Ajzen, 1975).

Таким образом, в литературе укрепилось мнение, что коллективные действия непосредственно связаны с коллективной идентичностью. На наш взгляд, следует согласиться с точкой зрения о том, что в первую очередь идентичность формирует коллективные действия, а затем сами действия усиливают групповую идентичность, в результате формируется самоусиливающийся замкнутый круг. Но для этого необходимы институциональные условия для начала коллективных действий.

СЕТЕВОЙ ХАРАКТЕР КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Как отмечает Ле Бон, коллективное действие формируется из объединения отдельных разрозненных индивидов, которые объединяются для высказывания своего

недовольства (Le Bon, 2001). Постепенно они погашаются коллективной сущностью. При этом индивидуальная анонимность многими исследователями считается благоприятным фактором для коллективного поведения, так как позволяет чувствовать себя менее ответственными за конкретные действия и поэтому более восприимчивыми к «поглощению» толпой (McPhail, 1989). Однако Д. Нил отмечал, что индивидуальная анонимность, наоборот, противодействует интенсивному коллективному действию, так как анонимные индивиды не вступают в социальные связи, необходимые для осуществления коллективного действия (Neil, 1993).

Ж. Рансиа отмечает, что в процессе коллективного действия индивиды приобретают субъектность (Ranciere, 1999). Проявлением этой субъектности является осознание наличия у них права голоса, высказывания своих требований, которые должны быть учтены в процессе принятия решений на соответствующем уровне управления.

При этом можно выделить две основные точки зрения на то, как формируются общности, осуществляющие коллективное действие. Х. Блумер предполагал, что изначально они формируются из незнакомых друг с другом людей, между которыми уже впоследствии формируются определенные социальные связи, способствующие коллективному действию (Blumer, 1946). Другая точка зрения заключается в том, что в коллективное действие включаются первоначально уже знакомые индивидуумы, имеющие между собой определенные связи (Aveni, 1977).

М. Волстром и М. Веннерхэг выявили, что примерно 90% участников проанализированных ими кампаний коллективных действий были вовлечены в различные социальные связи с другими участниками (Wahlstrom, Wennerhag, 2014). И лишь примерно 10% участников были «одинокими» (ранее не вовлеченными в социальные связи с другими участниками). Исследователи отмечают, что доля «одиноких» варьируется в различных мероприятиях, однако она нигде не являлась доминирующей.

Современная политическая наука выявляет трансформацию отношений на низовом уровне взаимоотношений индивидуумов и трансформации структур их самоорганизации в процессе достижения своих общественно значимых целей. В результате наблюдается введение в оборот нового термина — «сеть» (Heijden, 2014).

Коллективные действия могут иметь различные формы организации и демонстрировать свою эффективность. Согласимся с позицией А. Беннет и А. Сегерберг, которые указывают, что особую эффективность они приобретают, когда межличностные сети подкрепляются технологическими платформами, позволяющими координировать и масштабировать коллективные действия (Bennett, Segerberg, 2013). Сетевое взаимодействие позволяет более эффективно обеспечить коллективное производство и распределение информации и идентичностей, чем распространяемый контент и отношения, базирующиеся на иерархической организации. При этом подобные коллективные действия являются хорошо организованными и структурированными, когда они обладают необходимыми источниками ресурсов и массовой поддержкой, основанной на взаимосвязанных индивидуумах, использующих технологические медиаплатформы.

В этих условиях между индивидуумами постепенно формируются устойчивые взаимоотношения, укрепляющие саму организацию коллективных действий. Распространяемые в социальных медиа персонифицированные сообщения имеют значительную эффективность в процессе мобилизации. При этом технологические инструменты позволяют индивидуумам найти те формы действия, которые им наиболее удобны. Поэтому спонтанные массовые коллективные действия, основанные на сетевом взаи-

модействии, являются особо эффективными, в том числе в аспекте адаптации к изменяющимся внешним условиям.

В организованном и структурированном коллективном действии индивидуальная мобилизация выстроена посредством коммуникации (сетевых связей) с ключевыми организационными узлами, которые выступают двигателями мобилизации новых участников движения (Diani, 2000: 386–401). Подобные социальные сети способствуют распространению и внедрению заранее определенных коллективных идентичностей, закрепленных во фреймах данного коллективного действия.

СПОНТАННОСТЬ КОЛЛЕКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

Коллективное действие осуществляется не всегда заранее подготовленно. Часто ему свойственны спонтанные реакции. Данное действие может интерпретироваться в рамках концепции Дж. Мида, включающей в себя четыре элемента: импульс, восприятие, манипуляция и консумация (потребление и встраивание в модели поведения) (Mead, 1938). В данном случае подобным формам действия характера несколько меньшая степень рациональности. Это связано с тем, что у индивидуума меньше времени для прохождения каждого из этапов совершения действия.

Спонтанные действия могут осуществляться как индивидуально, так и коллективно, могут представлять собой их сочетание.

Значительное внимание спонтанности в коллективном действии уделял Х. Блюмер (Blumer, 1972). Он отмечал, что коллективному действию свойственна спонтанность, оно возникает как спонтанное явление и не связано с предварительными договоренностями. И уже впоследствии в коллективных действиях формируется координирующий механизм. Данную точку зрения критиковали К. МакФейл (McPhail, 1991), Р. Тернер и Л. Киллиан (Turner, Killian, 1987). Они отмечали важность координации и организации для привлечения внимания и мобилизации сторонников.

Также следует согласиться с Д. Сноу и Д. Мосс, которые указывают, что спонтанность — более широкая характеристика. Она свойственна коллективному действию не только на его начальной стадии (либо какой-либо другой отдельной стадии), но и на последующих, затрагивая его отдельные формы, этапы, аспекты в ходе всего процесса развития (Snow, Moss, 2014: 1125). В то же время современная общественно-политическая и законодательная практика снижает возможности проявления спонтанных коллективных действий. В первую очередь это связано с законодательным регулированием организации и проведения массовых мероприятий. Исследователи Д. Сноу и Д. Мосс выделили четыре условия спонтанных коллективных действий:

- 1) отсутствие иерархической организации;
- 2) неопределенность (двузначность) ситуации и событий (при этом нормативное регулирование процедур протеста, переговоры и соглашения сторон снижают спонтанность действий, в то время как разрушение сценария действий также способствует спонтанности поведения);
- 3) эмоциональная основа и опыт предыдущих действий (слова, стереотипы, предубеждения, предыдущий опыт могут вызывать неосознанные действия со стороны индивидуумов);
- 4) пространственные контексты и ограничения.

Д. Сноу и Д. Мосс пришли к выводу, что возникшие в рамках коллективных действий спонтанные действия часто приводят к изменению ранее сформированного плана действий, более того, зачастую, являются одной из важнейших причин появления на-

сила (там же: 1137). Авторы отмечают, что спонтанные действия могут иногда приводить к столь значимым результатам, которые могли бы быть получены только в процессе проведения высокоорганизованных коллективных действий (приводя в качестве примера события в Каире 25 января 2011 г.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ источников позволяет сделать вывод о том, что зарубежные авторы уверены в эффективности коллективных действий как способа защиты гражданами своих прав и интересов. Современная общественно-политическая практика демонстрирует все большее распространение и все больший масштаб коллективных действий. В то же время в науке нет однозначной трактовки коллективных действий. Условно можно выделить два подхода к пониманию коллективных действий: как отклоняющееся поведение и как рациональное поведение, направленное на защиту своих прав и интересов.

Обобщение представленных зарубежных подходов и трактовок к пониманию коллективных действий позволяет резюмировать, что ключевым значением для формирования коллективных общностей людей, осуществления ими целенаправленных действий авторы признают чувство общности, идентичности. При этом исследователи расходятся во мнении, что первично: идентичность, которая стимулирует к коллективным действиям, или коллективные действия, которые позволяют формироваться идентичности коллективно действующих людей. Поэтому делают вывод, что чем сильнее индивидуумы идентифицируют себя с группой, тем более вероятно, что они будут участвовать в акциях поддержки данной группы, иных формах коллективного действия.

Обобщая позиции различных исследователей, можно указать, что особую эффективность коллективные действия, по мнению авторов, приобретают благодаря сетевой структуре и использованию современных информационно-коммуникационных технологий (Интернета, социальных сетей). В этих условиях между индивидуумами постепенно формируются устойчивые взаимоотношения, укрепляющие саму организацию коллективных действий. М. Волстром и М. Веннерхэг подтвердили предположение многих ученых о том, что большинство участников коллективных действий имеют различные связи с другими активистами, находятся с ними в сетевом взаимодействии. Наиболее значимую роль в процессе мобилизации играют социальные сети.

Также следует согласиться с рядом авторов, указывающих, что коллективные действия не всегда заранее подготовлены. Они изначально могут быть спонтанными, и только впоследствии может формироваться координирующий механизм. Законодательное регулирование коллективных действий снижает возможности спонтанного их проявления. В то же время отсутствие иерархической организации, неопределенность (двусмысленность) ситуации и событий, эмоциональная основа и опыт предыдущих действий, пространственные контексты и ограничения, наоборот, способствуют спонтанности коллективных действий.

Обзор иностранной литературы, рассматривающей коллективные действия, позволяет понять сущность и специфику данного явления, имеющего большую значимость в современных общественно-политических процессах. Он дает возможность лучше понять, в том числе, и характер современных отечественных протестных кампаний, часто возникающих неожиданно для органов власти и широкой общественности (протест против передачи Исаакиевского собора Русской православной церкви,

протестная кампания в связи с убийством Е. Свиридова, протестная кампания в связи с подозрением фальсификаций на выборах в 2011 г. и др.).

Анализ зарубежных источников позволяет вводить в отечественную науку результаты исследований зарубежных авторов, расширяя возможности понимания и интерпретации российских общественно-политических процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Aveni, A. F. (1977) The not-so-lonely crowd: Friendship groups in collective behavior // *Sociometry*. №40 (1). Pp. 96–99.

Bennett, L., Segerberg, A. (2013) The logic of connective action. Digital media and the personalization of contentious politics. Cambridge : Cambridge University Press. 240 p.

Blumer, H. (1946) Elementary collective groupings // McClung L. A. (ed.) *Principles of Sociology*. New York: Barnes and Noble. 360 p. P. 178–198.

Blumer, H. (1972) Collective Behavior // McClung L. A. (ed.) *Principles of Sociology*. New York : Barnes & Noble. 372 p. P. 65–121.

Brandstatter, H., Opp, K.-D. (2014) Personality Traits («Big Five») and the Propensity to Political Protest: Alternative Models // *Political Psychology*. Vol. 35. №4. P. 515–537.

Buechler, S. M. (2004) The strange career of strain and breakdown theories // Snow, D. A., Soule, S. A., Kriesi, H. (Eds.) *The Blackwell companion to social movements*. Malden, MA : Blackwell. 754 p. P. 47–66.

De Weerd, M., Klandermans, B. (1999) Group identification and social protest: Farmer's protest in the Netherlands // *European Journal of Social Psychology*. №29. P. 1073–1095.

Della Porta, D. (2014) Comment on organizing in the crowd // *Information, Communication & Society*. Vol. 17. No. 2. P. 269–271.

Diani, M. (2000) Social Movement Networks Virtual and Real // *Information, Communication and Society*. №3. P. 386–401.

Drury, J., Reicher, S., Stott, C. (1999) Shifting boundaries of collective identity: Intergroup context and social category change in an anti-roads protest // *British Psychological Society Social Psychology Section Conference*. University of Surrey, July. Unpublished paper.

Drury, J., Stott, C. (2011) Contextualising the crowd in contemporary social science // *Contemporary Social Science*. №6. P. 275–288.

Earl, J., Kimport, K. (2011) *Digitally Enabled Social Change*. Cambridge and London : The MIT Press. 257 p.

Fishbein, M., Ajzen, I. (1975) *Belief, attitude, intention and behaviour*. Reading, MA : Addison-Wesley. 578 p.

Heijden, H.-A. (2014) Environmental networks and social movement theory // *Environmental Politics*. № 23 (6). P. 1111–1113.

Hirschman, A. O. (1970) *Exit, Voice, and Loyalty. Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge, MA : Harvard University Press. 165 p.

Hoffer, E. (1951) *The true believer*. New York, NY : HarperCollins. 176 p.

Jenkins, R. (2004) *Social Identity*. Abingdon : Routledge. 256 p.

Klandermans, P. G. (2014) Identity Politics and Politicized Identities: Identity Processes and the Dynamics of Protest // *Political Psychology*. Vol. 35. №1. P. 1–22.

Kornhauser, W. (1959) *The politics of mass society*. Glencoe, IL: Free Press. 256 p.

Le Bon, G. (2001) *The Crowd: A Study of the Popular Mind*. Kitchener, ONT : Batoche Books. 129 p.

McAdam, D. (2002) Beyond structural analysis: Toward a more dynamic understanding of social movements // Diani, M., McAdam, D. (eds.) *Social movements and networks: Relational approaches to collective action*. Oxford : Oxford University Press. 368 p. P. 281–298.

McAdam, D., McCarthy, J. D., Zald, M. N. (1996) *Comparative Perspectives and Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framing*. New York : Cambridge University Press. 446 p.

- McPhail, C. (1989) Blumer's theory of collective behavior // *Sociological Quarterly*. № 30 (3). P. 401–423.
- McPhail, C. (1991) *The Myth of the Madding Crowd*. New York : Aldine De Gruyter. 295 p.
- Mead, G. H. (1938) *The Philosophy of the Act*, ed. by C. W. Morris. Chicago : University of Chicago Press. 289 p.
- Medina, L. F. (2007) *A Unified Theory of Collective Action and Social Change, Analytical Perspectives on Politics*. Ann Arbor : University of Michigan Press. 271 p.
- Neil, D. M. (1993) A further examination of anonymity, contagion, and deindividuation in crowd and collective behavior // *Sociological Focus*. № 26 (2). P. 93–107.
- Olson, M. (1965) *The logic of collective action: Public goods and the theory of groups*. Cambridge, MA : Harvard University Press. 186 p.
- Opp, K-D. (2012) Collective identity, rationality and collective political action // *Rationality and Society*. № 24 (1). P. 73–105.
- Ranciere, J. (1999) *Disagreement: Politics and Philosophy*, translated by J. Rose. Minneapolis, MN. : University of Minnesota Press. 168 p.
- Simon, B., Loewy, M., Stürmer, S., Weber, U. et al. (1998) Collective identity and social movement participation // *Journal of Personality and Social Psychology*. № 74. P. 646–658.
- Snow, D., Moss, D. (2014) *Protest on the Fly: Toward a Theory of Spontaneity in the Dynamics of Protest and Social Movements* // *American Sociological Review*. Vol. 79 (6). P. 1122–1143.
- Stryker, S., Owens, T. J., White, R. W. (2000) *Social psychology and social movements: Cloudy past and bright future* // Stryker, S., Owens, T. J., White, R. W. (Eds.) *Self, identity, and social movements*. Minneapolis : University of Minnesota Press. 371 p. P. 1–17.
- Stürmer, S., Simon, B. (2009) Pathways to collective protest: Calculation, identification, or emotion? A critical analysis of the role of group-based anger in social movement participation // *Journal of Social Issues*. № 65(4). P. 681–705.
- Turner, J. C. (1999) Some current themes in research on social identity and self-categorization theories // Ellemers N., Spears R., Doosje B. (eds) *Social Identity: Context, Commitment, Content*. Oxford: Blackwell. 288 p. P. 6–34.
- Turner, R. H., Killian, L. (1987) *Collective Behavior*. 3ed ed. Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall. 340 p.
- Wahlstrom, M., Wennerhag, M. (2014) Alone in the crowd: Lone protesters in Western European demonstrations // *International Sociology*. Vol. 29 (6). P. 565–583.

Дата поступления / Submission date: 15.11.2017.

COLLECTIVE ACTIONS:
APPROACHES TO UNDERSTANDING AND FEATURES OF ORGANISATION
(BIBLIOGRAPHIC REVIEW OF FOREIGN LITERATURE)

A. V. SOKOLOV

P. G. DEMIDOV YAROSLAVL STATE UNIVERSITY

The article is devoted to the analysis of the approaches that exist in foreign science to understanding of a significant social and political phenomenon — collective actions of citizens, which are defined differently. Two approaches to understanding collective actions can be distinguished: as deviant behavior (Drury J., Stott C.) and as rational behavior aimed at protecting one's rights and interests (K. D. Opp, S. M. Buechler).

According to researchers, a sense of community and identity is of key importance for the formation of collective communities of people, and for their purposeful actions. At the same time, researchers disagree about what is primary: an identity that stimulates collective actions, or collective actions that allow the formation of the identities of collectively acting people. The more individuals identify themselves with the group, the more likely they are to participate in support actions for this group and other forms of collective action.

Modern researchers emphasise the special importance of the network structures of information and communication technologies (the Internet, social networks), which allow collective actions to gain greater efficiency. Under these conditions, stable relationships gradually form between individuals, strengthening the very organisation of collective actions.

The author agrees with a number of researchers that collective actions are not always pre-arranged. They may initially be spontaneous, and it is only afterwards that a coordinating mechanism can be formed. Legislative regulation of collective actions reduces the possibility of their spontaneous manifestation. At the same time, the absence of a hierarchical organisation, the uncertainty (ambiguity) of the situation and events, the emotional basis and experience of previous actions, spatial contexts and restrictions, on the contrary, contribute to the spontaneity of collective actions.

Keywords: collective actions; protest; network interaction; spontaneity; identity; mass; bibliographic review

Соколов Александр Владимирович — кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. Адрес: 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, д. 10. Тел.: +7 (915) 987-97-97. Эл. адрес: alex8119@mail.ru

Sokolov Aleksandr Vladimirovich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Social and Political Theories, P. G. Demidov Yaroslavl State University. Postal address: 10, Sovetskaya St., Yaroslavl, Russian Federation, 150000. Tel.: +7 (915) 987-97-97. E-mail: alex8119@mail.ru